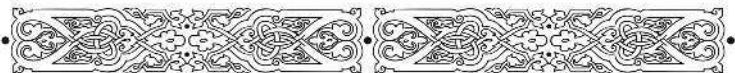
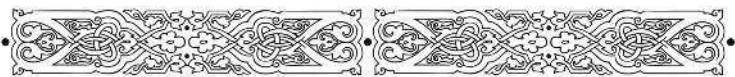

A decorative horizontal arrow pointing to the right, with a tail on the left and a head on the right. The arrow is dark gray and has a slightly textured appearance. The text is centered within the arrow's shaft.

РУСЬ БОГАТЫРСКАЯ

ВИКТОР ПОРОТНИКОВ

**Легендарный
ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВ**

**Первый русский
крестоносец**

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П59

Художник Иван Хивренко

Поротников, Виктор Петрович.

П59   Легендарный Василий Буслаев. Первый русский крестоносец / Виктор Поротников. — Москва : Эксмо : Яуза, 2018. — 416 с.

ISBN 978-5-04-089922-7

Исторический роман о прославленном богатыре, русском витязе, превзошедшем всех европейских рыцарей. Новгородские ладьи принимают боевое крещение в водах Иордана и Мертвого моря!

1147 год. Чтобы защитить от сарацин Гроб Господень, христиане выступают во Второй Крестовый поход. По пути в Иерусалим к крестоносцам присоединяется дружина легендарного Василия Буслаева. Под его началом новгородские ушкуйники не раз ходили в речные набеги до самого Хвалынского (Каспийского) моря, наводя ужас на «поганных» и захватывая богатую добычу, а сам Васька прославился на всю Русь не только отвагой, удалью и ратными подвигами, но и дикими загулами и пьяными выходками. И вот теперь он наконец взялся за ум, решив искупить былые прегрешения на Святой Земле. Вместе с ним на защиту Царства Небесного отправляются и его друзья-побратимы, поклявшиеся спасти от неверных Гроб Господень. Немногим русским крестоносцам суждено вернуться живыми из этого похода...

**УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

ISBN 978-5-04-089922-7

© Поротников В. П., 2018
© ООО «Издательство «Яуза», 2018
© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

СТАРЫЕ ОБИДЫ

Васька Буслаев возвратился!.. Слух этот прокатился от пристани по всей Торговой стороне, через Великий мост перекинулся и на Софийскую сторону. Кто-то поверил в это, кто-то нет. Были среди новгородцев и такие, кто побежал на берег Волхова увидеть своими глазами, правда ли?

Оказалось — правда.

Вон, стоит у причала червлёный буслаевский корабль со спущенным парусом и оскаленным драконом на носу. По сходням спускается сам Василий, в красных сафьяновых сапогах, в цветастом кафтане, в лихо заломленной шапке с меховой опушкой. Следом вышагивают молодцы его бесшабашные, высокие да плечистые. Все в шелках и бархате. Два года не было о них ни слуху ни духу. И вот объявились!

— С товаром али как? — суетился перед Василием мытный староста.

— С товаром, Евсеич, с товаром! — щуря на солнце глаза, отвечал Василий.

Евсеича он знал с малолетства, ещё босоногим сорванцом таскал тайком бублики с маком из его лабаза на торжище. К слову сказать, лавка Буслая, отца Василия, была почти напротив лавки Лавра Евсеича. И хотя друзьями Буслай и Лавр никогда не были, но при встрече всегда шапку друг перед другом снимали.

Крепко встать на ноги торгошау Лавру Евсеичу не давали его извечные долги да женка-транжириха.

Сколько помнил его Василий, даже приодеться, бедолага, не мог как следует. А тут вдруг на нем подбитый мехом опашень, сапоги яловые, на голове шапка-мурmolка скарлатная. Вид как у старосты, но держится Евсеич, простая душа, как и прежде, будто только что с воза слез: ни надменности в нем нет, ни строгости во взгляде.

— Надолго ли в Новгород? — улыбаясь щербатым ртом, вопрошал Евсеич, глядя на Василия снизу вверх. — В каких землях-далях побывал, соколик?

Василий широко улыбнулся от переполняющей его радости и незамедлительно ответил:

— Насовсем вернулся, Евсеич. А где бывал?.. Да где только не бывал! Дня не хватит, чтобы обо всем поведать.

Евсеич изумленно качал головой, по старой привычке прищелкивая языком. Его жиденькая бороденка торчала козликом, рот открылся сам собой, округлившись от безмерного удивления и любопытства глаза так и шарили по золотой гривне и перстням, сверкавшим на пальцах Василия.

Василий не удержался и хлопнул мытника по плечу, тот еле устоял на ногах:

— Ну что, Евсеич, большую мыту с меня сдерешь?

Евсеич поправил на голове едва не слетевшую шапку и, опустив очи, ответил:

— Да что ты, Васенька! Как со всех, так и с тебя.

— Разве часто заходят в Новгород ладьи, груженные золотом-серебром? — с хитрой усмешкой поинтересовался Василий. И словно в подтверждение своих слов высыпал из кошель, привешенного к поясу, горсть серебряных монет и швырнул в обступившую его толпу. — Берите, люди добрые! Для своих земляков ничего не жалко! Пейте за мое здоровье!

Василий с размаху запустил в народ еще одной горстью серебра.

Толпа смешалась. Люди толкались, подбирая день-

ги с деревянной мостовой, вырывая их друг у друга. Где-то образовалась куча-мала, где-то вспыхнула драка.

Василий со смехом взирал на происходящее, упревая руки в бока.

Кто-то из его дружков тоже бросил народу монет горсть-другую. Вид дерущихся и ползающих на коленях мужиков забавлял буслаевских молодцев не меньше, чем их жожака.

— Ты же молвил, что с товаром прибыл, — зашипел на Василия мытник, которому не нравилось, чтобы деньгами швырялись просто так, ради забавы. — Слукавил, значит! Только на берег ступил, сразу за старое принялся!

— Чем тебе золото-серебро не нравится, старик? — Василий перестал смеяться, хотя давка на пристани продолжалась. — Этот товар — всем товарам товар! С ним не сравнится ни скоро, ни мед, ни жемчуг! Странно, что ты — мытник, а сего не разумеешь!

— Учить меня будешь! — проворчал Евсеич. — Толковые люди золото-серебро в оборот пускают, меняют на товар какой ни есть, само по себе золото ценится лишь как украшение для глупых баб да дурней вроде тебя. Жаль, отец твой не дожил, — славный был купец! — он бы тебе растолковал, что к чему.

— Я и сам ныне купецкой премудрости обучен, — промолвил Василий и небрежным жестом протянул мытнику несколько золотых солидов.

Евсеич оскорбленно вскинул голову и отвернулся. Сказал сухо:

— Со золота мыту не берем, а токмо с товаров.

И зашагал прочь вдоль кромки причала мимо изогнутых корабельных форштевней, украшенных звериными головами, мимо беснующейся толпы, громко славившей щедрого Буслаева сына.

«Ну, теперь не жди покою, — сердито думал мытный староста, — разбогател в дальних землях Васька-

оболтус, а ума так и не набрался! Опять достанется от него лиха новгородцам. Ох достанется!»

В дом вдовы купца Буслая весть о возвращении ее блудного сыночка принес конюх Матвей, покупавший подковы на торгу. Вбежав в теремные покои, Матвей грохнулся на колени и, еле переводя дух после быстрого бега, воскликнул:

— Матушка Амелфа Тимофеевна, сын твой в Новгороде! На пристани он народ деньгами покуда одаривает. Меня как увидел, так в объятиях чуть не задушил. Беги, говорит, к матушке, пусть столы накрывает.

От столь неожиданной вести ноги у вдовы подкосились, она бессильно опустилась на скамью, схватившись рукой за сердце. Ее большие глаза набухли слезами, бледность разлилась по щекам.

— Услыхал Господь мои молитвы, — прошептала вдова сухими губами и осенила себя крестным знаменем.

Любимая служанка Амелфы Тимофеевны Анфиска по прозвищу Чернавка замерла на месте, забыв на какое-то время про пряжу, разложенную на широкой скамье. В девичьих глазах не было слез, лишь выражение нескрываемой дикой радости, отчего вмиг преобразилось круглое румяное лицо Анфиски с черными восточными бровями и пунцовыми губами, по которым сохла вся мужская челядь в доме купеческой вдовы.

Бесстыдство Анфиски было хорошо известно Матвею. В свое время она допустила к своему роскошному телу юного Буслаевича, едва тому минуло пятнадцать годков, поэтому конюх неодобрительно взирал на темноокою служанку из-под нависших бровей.

«Два года сохла по Ваське, да так и не высохла! — промелькнуло в голове у Матвея. — Обрадовалась, что вертаются сладкие ночки. Бесстыжая!»

— Матвей, вели холопам двор подмести, — придя к себе, промолвила Амелфа Тимофеевна. — Во дворе столы поставим. Чаю, гостей немало набезит, в доме-то тесно будет.

Конюх поклонился:

— Будет сполнено, матушка.

Уходя, Матвей не удержался и кольнул Анфиску неприязненным взглядом.

Служанка не осталась в долгу и показала конюху язык, видя, что ее госпожа в глубокой задумчивости отвернулась к слюдяному окну.

Вспомнилось Амелфе Тимофеевне, как два лета тому назад сын ее скликал за собой в далекие края молодцев, охочих до весла и топора, как шумел до поздних сумерек пир честной на том же дворе; Василий пил зелено-вино, братался со своими дружинниками молодыми. Тридцать молодцев уводил за собой Василий, многие ли назад воротились?

«Главное, сам вернулся живой-здоровый!» — подумала Амелфа Тимофеевна и вновь перекрестилась.

Знала она, что многие бояре и купцы новгородские недолюбливают ее сына за шалости его — поначалу безобидные, вроде разбитых носов и обливания прохожих холодной водой в зимнюю стужу, но с годами превратившиеся в буйство и откровенные непристойности. Соблазнение девиц и жен стало для повзрослевшего Василия обычным делом, как и драки и справление языческих игрищ летними ночами в лесу над Волховом.

Недовольны были Василием и священники новгородские, и судьи, на которых так и сыпались жалобы на него, и купечество с боярством, оберегавшее от буйного Василия своих сынов и дочерей.

Амелфа Тимофеевна видела, с какой радостью все эти люди провожали корабль Василия в дальний путь, помнила слова, какими втихомолку напутствовали именитые новгородцы ее единственного сы-

на, — молили Бога, чтобы сгинул он навсегда. А Васенька ее назло всем взял да и назад воротился! Выходит, только ее материнским молитвам внимал Господь-Вседержитель, а все прочие молитвы мимо ушей пропустил.

На почестен пир собрались во дворе у Амелфы Тимофеевны кроме нее самой, сына ее долгожданного и сыновних дружинников вся ее родня, дальняя и близкая, соседи и родственники тех молодых буслаевских, кои были родом из Новгорода. А таких было без малого половина. Остальные — все ребяташки пришлые, иные почти задарма горбатились грузчиками или в смолокурнях, иные приворовывали, покуда не собрались вокруг Васьки Буслаева. Теперь-то, глядя на них, не скажешь, что они с нуждой знают, разодеты все, будто бояричи!

И ведь всех до одного привел назад Василий, никто из его ватажников не сгинул на чужбине!

За столом Амелфа Тимофеевна сидела рядом с сыном и все насмотреться на него не могла! До чего же он стал пригож! Золотые кудри так и выются, синие очи так и блестят, будто каменья дорогие. Широоченым плечам его тесновато под шелковой рубахой, крутые мускулы так и перекатываются под рукавами.

Василий уже устал рассказывать о своих похождениях по Волге-реке, на Хвалынском море и у Кавказских гор. Ходила его ладья и по Каме, и по Тереку... Неспроста Василий и дружки его так загорели: южное-то солнце щедрее северного!

Допоздна засиделись гости на дворе у Амелфы Тимофеевны, лакомились щедрым угощением, пили вино греческое и хмельной мед, спрашивали молодых Василю о виденном и пережитом на чужбине, пели песни веселые и грустные. Снова принимались за еду, поднимали чаши и опять пели хором под рокот гусельных струн.

На гусях играл Потаня Малец, единственный в

буслаевской дружине не выделявшийся ни силой, ни ростом, да к тому же и хромой. Зато во многих ремеслах Потаня был смыслен, врачевать умел, языки многие знал. За советом дельным Василий шел не к кому-нибудь, а к Потане. И голос у Потани был красивый, чистый да звонкий. Запевала из него хоть куда!

Когда опустились сумерки и вызвездило далекие небеса, будто рассыпались светляки на Господних лугах, стали слипаться глаза у почтенной Амелфы Тимофеевны. Отправилась вдова спать, поцеловав еще раз сына и извинившись перед гостями. Уже лежа под одеялом в своей высокой горенке окнами в сад, она слышала, как высокий голос Потани выводит печальную песню:

Это было в те времена да в стародавние;
Собирались в поход тридцать ушкуйников
В земли дальние, ко Руяну-острову.
Да уходили они по весне из Новгорода...

Это была любимая песня Василия.

Под эту грустную мелодию и заснула Амелфа Тимофеевна, довольная и счастливая.

Анфиска же, наоборот, не сомкнула глаз, покуда гости не разошлись, все ждала подходящего момента, чтобы ущипнуть Василия за руку. Это был один из тех тайных знаков, которыми служанка и купеческий сын обменивались с той поры, как однажды слились воедино их тела на темном сеновале.

Василий за прошедшие два года разлуки еще больше возмужал, шутка ли — двадцать два года стукнуло молодцу, волосы отрастил почти до плеч, усы отпустил. Анфиска тоже похорошела, будто соком налилась, хоть и была старше Василия на три года.

Наконец момент представился. Но Анфиску вдруг охватило смущение, когда Василий, приподняв голову за подбородок, заглянул ей в очи. Движения и

взгляд стали у Василия какими-то другими, более мужскими, что ли. Василий понял немой призыв служанки.

Промолвил тихо:

— Не забыла, где светелка моя? Приходи, помилуемся!

Промолвил и тут же ушел в терем, скрылся во мраке переходов.

На дворе стояли столы с обьедками, тускло светились в лунном свете серебряные кубки и енды; капли не в меру упившиеся гуляки, сыновья боярина Кругислава и купчишка Амос. Холопы Амелфы Тимофеевны заботливо уложили их на телегу, стоявшую под дощатым навесом.

Анфиска стояла на крыльце, прислонившись к перилам. В душе ее разрасталось непонятное чувство не то разочарования, не то обиды. Она ожидала от Василия поцелуя и совсем иных слов, хотя бы иной интонации. Будто не были они столько зим и весен в разлуке!

«Да полно! Кто я ему, в конце концов? — успокаивала себя служанка. — Он — господин, а я — прислуга. И в постели — прислуга!»

Успокоение не пришло, наоборот, к горлу Анфиски подступил горький ком.

А может, не ходить? Порой и холопы господ учат! Анфиска стиснула зубы, собирая в кулак свою волю. Да, она не пойдет! Не пойдет. Пусть-ка Васенька прождет ее впустую!

Вся челядь уже спать улегась. Вот и она сейчас отправится в свою уютную светлицу и...

«Даже не поцеловал, негодный! — мысленно негодовала Анфиска. — Ведь никто бы не увидел. Небось на чужбине-то частенько девиц лапал, вот и возгордился Васенька. А отроком только за моей юбкой и гонялся!»

Поднимаясь по ступенькам в женские покои, Ан-

фиска изо всех сил разжигала в себе злость против Василия, но та никак не разгоралась. Зато ярким пламенем полыхала обида в сердце чувствительной Чернавки. Так и не дойдя до своей опочивальни, она повернула назад, без свечи находя дорогу в темных хоромах к той заветной светелке, которая манила ее и в отсутствие Василия.

«Прошло то время, когда Васенька у меня ласки выпрашивал, ныне мой черед», — то ли оправдывая себя, то ли негодуя, думала Анфиска.

* * *

Наутро Амелфа Тимофеевна в свою очередь поведала сыну за завтраком о своем житье-бытье в его отсутствие.

— Из пяти ладей на плаву остались лишь две, — рассказывала вдова. — Одна ладья каждое лето ходит до Онежского озера, там у вожан меняем меха на железо. Другая ходит до Киева Великим днепровским путем. Закупаем в Киеве хлеб, ткани царьградские, вино греческое. Немецкое вино мне не по вкусу. Купцы из Любека много своего вина в Новгород привозят. Девать некуда!

— Почто в такую даль за хлебом ездите? — спросил у матери Василий. — Отчего ближе не покупаете, у тех же суздальцев?

— Да кабы наше вече жило мирно с суздальцами, — недовольно проговорила Амелфа Тимофеевна, женщина твердого нрава и прямых речей. — Ведь из года в год какая-нибудь распря случается: то суздальцы оружием загремят, то наши олухи царя небесного! А торговля стоит.

— Стало быть, матушка, за два года трех кораблей ты лишилась. От разбою пострадала иль от козней водяного?

Амелфа Тимофеевна подлила сыну яблочной сывоты и стала перечислять:

— Ну, на одной ладье ты уплыл, на самой лучшей. Другая на камни налетела в верховьях Ловати еще в позапрошлом лето, большой убыток тогда я понесла. Третья потонула в бурю на Ладожском озере, возвращаясь с Онежского. Случилось это прошлой осенью, в канун Семенова дня. Тогда же у Дорофея Пьянковича ладью волнами перевернуло и Влас Фомич также корабля лишился. И корабль-то у него был новехонький!

— А чего это Влас Фомич на пир к нам не пришел? — поинтересовался Василий. — Я посылал холопа к нему в дом, так он его на порог не пустил.

— Эх, Васюта, — вздохнула Амелфа Тимофеевна, — зол на тебя Влас Фомич. Сын-то его старший, которого ты в драке покалечил, так и не оклемался, помер, сердешный. Ты отплыл из Новгорода в мае, а он уже в июле Богу душу отдал. — Вдова перекрестилась.

Василий понимающе покивал головой, сдвинув густые светлые брови. Не думал он, что шалости его молодецкие так аукнутся ему спустя годы.

— Ну а младший сын Власа Фомича что подельывает? Небось тоже купец?

— Обалдуй он, а не купец, — возразила Амелфа Тимофеевна. — Ему бы только в кости играть. И в кого такой уродился?

— Боярин Твердило до сих пор зло на меня держит?

— Да уж не забыл он выходки твои, сынок, — с укоризной в голосе промолвила Амелфа Тимофеевна. — Брат его, которого дружки твои оглоблей по голове приложили, с ума-то спрыгнул. Как опосля ни лечили его, так дурнем и остался. Увез его Твердило в свой дом загородный, там и держит до сих пор. Меня как увидит боярин Твердило, так и ощерится, будто пес

бешеный. Либо же плюнет и на другую сторону улицы перейдет.

— Я живо отучу его плевать-то! — с угрозой произнес Василий, отодвигая от себя тарелку с рыбными расстегаями.

— Не задирай ты его, Вася, — встрепенулась Амелфа Тимофеевна, — горе ты причинил Твердиле. Это понимать надо и не судить строго человека.

— Этот человек, матушка, своему холопу глаз выбил, а когда я вступился, так брат Твердилы обухом топора мне чуть голову не проломил, хорошо, шапка на мне была, — сказал Василий, сверкнув глазами. — Костя Новоторженин правильно сделал, что приласкал выродка оглоблей, а не приласкал бы, так, может, не быть бы мне живу. Выродки они оба — Твердило и брат его! Бояре, а с топорами не расставались, словно тати придорожные.

Испортилось настроение у Василия после разговора с матерью.

Ему не было дела до злобствующего Твердилы и брата его полоумного, а вот сына Власа Фомича было жаль. Не держал на него злобы Василий, ну подрались они с ним, так с кем он только по молодости не дрался!

Прогулка по новгородским улицам, по торжищу и пристаням ненадолго развеяла неприятные мысли в голове у Василия. Он будто заново открывал для себя красоты родного города, любовался белокаменными стенами и башнями детинца, величественными главами Святой Софии, видимыми отовсюду, высокими теремами бояр и купцов. Вдыхал полной грудью, стоя на мосту через Волхов, воздушные струи, наполненные речным запахом.

Могучая река все так же широко и вольготно катила свои темные воды меж низких берегов, бурля небольшими бурунами у бревенчатых опор моста.

Вместе с Василием гуляли его дружки-побратимы